

УДК 82

**«В МУКАХ РОЖДЕННЫЙ»: О ПРЕДПОЧТЕНИЯХ
В. АСТАФЬЕВА В ПЕРСОНАЖНОЙ СФЕРЕ**

Гончаров Петр Андреевич

доктор филологических наук, профессор

goncharovpa2015@yandex.ru

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Щербакова Вероника Аркадьевна

учитель

МБОУ Заворонежская СОШ

г. Мичуринск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются предпочтения в персонажной сфере В. Астафьева. Уточняются понятия: «персонаж», «герой», «тип», предпринимается попытка обосновать различия этих терминов. На материале ряда произведений В. Астафьева 1950 - 1990-х годов доказывается, что писатель ставит в центр композиции своих произведений юных сибиряков, «истории» которых часто соотносимы с биографией писателя. Несмотря на значительную роль персонажей-женщин, доминантное место в астафьевской персонажной сфере занимают персонажи-мужчины.

Ключевые слова: Астафьев, проза, персонажная сфера, герой, тип, типология.

В 1959 году В. Астафьев в статье с характерным названием «В муках рожденный» писал: «Я порой ясно вижу его, а порой он расплывается, бледнеет. А хочется, чтобы он получился живым, настоящим. Не могу я ободрать человека, который с детства начал зарабатывать свой хлеб, который прошел войну и не просто прошел, увидел, победил, а натерпелся и настрадался вдосталь. После войны тоже хватил лиха <...>» [4, с. 123]. Вопреки названию речь идет не о «рождённом», а еще только рождающемся астафьевском герое и «муках», которые сопровождают рождение его характеров, типов. И здесь уже возникает вопрос о сути и различиях этих и других (персонаж, действующее лицо и т. п.) литературоведческих понятий.

На наш взгляд, различия в смысловом наполнении этих понятий вполне очевидны. С типом ассоциируется значительность художественного обобщения, высокая мера общечеловеческого в характере. Ещё Аристотелем было отмечено, что персонаж и характер – понятия отнюдь не тождественные: «Действующее лицо будет иметь характер, если <...> в речи или действии обнаружит какое-либо направление воли, каково бы оно ни было <...>» [6, с.183]. Вне обнаружения «направления воли» нет характера, и это предельно значимо для анализа характеров современной русской литературы, произведений В. Астафьева, в частности.

Г.Э. Лессинг в «Гамбургской драматургии» отмечал: «Характер человека может обнаружиться и в самых ничтожных поступках; с точки зрения поэтической оценки самые великие дела те, которые проливают наиболее света на характер личности» [14, с. 38–39]. Поступки, составляющие события, «историю» героя, в трактовке Лессинга, таким образом, и обнаруживают характер.

М.М. Бахтин следующим образом определяет характер: «Характером мы называем такую форму взаимодействия героя и автора, которое осуществляет задание создать целое героя как определенной личности <...> герой с самого начала дан как целое <...> все воспринимается как момент характеристики героя, несет

характерологическую функцию, все сводится и служит ответу на вопрос: “кто он?”» [10, с. 151]. Обратим здесь внимание на продуктивное, на наш взгляд, сопряжение с характером понятия личности.

Современный литературовед Л.В. Чернец под характером имеет в виду «общественно значимые черты, проявляющиеся с достаточной отчетливостью в поведении и унастроении героя; совокупность этих черт образует его индивидуальность, отличает его от других героев. Характер может быть односторонним или многосторонним, цельным или противоречивым, статичным или развивающимся, вызывающим уважение или презрение и т.д.» [17, с.9]. Интересно, что данное определение в значительной степени соотносится с рассуждением известного литературного критика о конкретных произведениях В. Астафьева. Отзываясь о произведениях В. Астафьева конца 1950-х – середины 1960-х годов, А.Н. Макаров отмечал: «Астафьев нарисовал портрет не одного человека, а портрет характера, способность которого нравственно возвышаться есть следствие нравственного возвышения народа в процессе преодоления трудностей, возникавших в ходе исторического развития» [16, с.764]. Не составляет труда заметить, что астафьевская проза 1950 – 1990-х годов характеризуется активностью героев со вполне определенными психофизическими свойствами. Главные персонажи «Перевала», «Стародуба», «Звездопада», «Кражи», «Последнего поклона», «Пастуха и пастушки», «Царь-рыбы», «Печального детектива», «Проклятых и убитых», повестей 1990-х годов представлены детьми, подростками, юношами и в целом – молодыми людьми, в характерах которых, при всех их различиях, нет самоуспокоенности. Было ли так в прозе В. Астафьева изначально? Почему герои В. Астафьева по большей части не «взрослеют», не «стареют» вместе с их автором-творцом? Что даёт художнику возраст персонажа, другие его свойства?

Отвечая на первый вопрос, заметим, что главный герой первого из напечатанных астафьевских рассказов, Матвей Савинцев, молод, но, особенно в

представлениях молодых бойцов, далеко не юн. Это семейный сибиряк, помимо жены в алтайской деревне Каменушка его ждут дети. Стариком, похожим на шолоховского Щукаря, представлен главный герой рассказа «Дядя Кузя – куриный начальник», увидевшего свет в 1950-е годы. Матерью-одиночкой, поднимающей отстающий колхоз «Уральский партизан», изображается главная героиня первого астафьевского романа «Тают снега» (1958). И это, по сути, единственный прецедент в астафьевской эпической прозе, где на роль центрального в композиции персонажа выдвинута женщина. При всей важности образов Катерины Петровны в «Последнем поклоне» и Люси в «Пастухе и пастушке», трудно отрицать, что они лишь делят на неравные доли своё первенство с Витей Потылицыным в первом случае и с Борисом Костяевым во втором.

Эти «гендерные» доминанты вполне объяснимы маскулинной фигурой автора-повествователя. Автору, вероятно, легче «вжиться» в эмоции, чувства, образ мыслей героя, «гендерно идентичного» ему. Это проявилось в работе Астафьева над повестью «Пастух и пастушка», сам писатель замечал, что чем больше он исключал подробности судьбы Люси, «убирал с нее литературные лохмотья, тем загадочнее и красивее она получалась» [1, т. 3, с. 455]. Мы вправе предположить, что только «загадочностью» и «красивостью» эту доработку образа объяснить недостаточно. Не сформулированными результатами этой шлифовки образа и интуитивной целью автора, вероятно, была и достоверность образа Люси: узнать все подробности её происхождения и отношений с немецким генералом Борис за краткое время их знакомства вряд ли мог. Сокращение излишней детализации «истории» возлюбленной лейтенанта, вызвано на наш взгляд, и отсутствием стремления писателя «уравновесить» композиционную функцию Люси и Бориса, этих двух главных, но неравнозначных персонажей повести. Эта композиционная неравнозначность заложена и в названии произведения, где «пастух» оказывается в своеобразной «препозиции» перед «пастушкой». Интересно, что одно из первоначальных названий повести –

«Комета», – в котором приоритет героя выразить вряд ли возможно, вместе с другими вариантами названия, Астафьев отверг. Отверг, оставив название, в котором привыкшие к деревенской тематике прозаика его «опытные чтецы», еще не знакомые с текстом произведения, заподозрили писателя-«деревенщика» в приверженности к «нашему ср...ому сельскому хозяйству» [1, т. 3, с. 456]. Кстати, эта приведенная писателем в кавычках обценная по словесной оболочке оценка названия оказывается не так уж и далёкой от истины: «Пастух и пастушка» увидела свет на пике расцвета «деревенской прозы». А её героини-«идеологи» – зачитывающийся Мельниковым-Печерским командир взвода Костяев, знакомый с Христовым учением Ланцов, земляки и фронтовые побратимы «кумовья» Карышев и Малышев – судят о войне с позиций, характерных для «деревенской прозы»: «Эта война должна быть последней! Или люди недостойны называться людьми! Недостойны жить на земле! Недостойны пользоваться ее дарами, жрать хлеб, картошку, мясо, рыбу, коптить небо. <...> одна истина свята на земле – материнство, рождающее жизнь, и труд хлебопашца, вскармливающий ее...» [1, т. 3, с. 36].

В написанной десятилетием раньше повести оказывается созвучным приведенному выше варианту не только «космическое название («Комета» – «Звездопад»), но и ярко выраженная антивоенная тенденция, выраженная в мольбе-проклятии Лиды: «Пусть же эта проклятая война остановится на день! Пусть остановится!» [1, т. 2, с. 250]. Однако, что касается синтеза антивоенного пафоса с пафосом «деревенской прозы», с обожествлением созидательного труда «хлебопашца», то он в этой повести лишь едва намечен в образе Мишки Ерофеева – впервые полюбившего девушку бывшего детдомовца, наделенного чертами потомственного сибирского «медвежатника». И, заметим здесь, при всей важности образа возлюбленной, Лида оказывается в повести персонажем главным, но уступающим первенство «Мишке-Михею».

В случае с «Последним поклоном» ситуация выглядит несколько иначе, чем в повести «Пастух и пастушка»: «убирать» детали, связанные с Катериной Петровной, у Астафьева не было резона, ибо она и есть главный объект поклонения-поклона главного героя-повествователя. Поэтому судьба Катерины Петровны, в том виде, в котором она известна рассказчику, прописана детально, достаточно подробно. Однако её размышления, чувства, эмоции переданы только через восприятие автора-повествователя, только когда он слышит и видит её. Вот как Астафьев изображает встречу автобиографического героя-орденоносца с Катериной Петровной после окончания войны: «Я послушно замер перед бабушкой. На дряхлой щеке ее осталась и не сходила вмятина от Красной Звезды – по грудь мне сделалась бабушка. Она оглаживала, ощупывала меня, в глазах её стояла густою дремою память, и глядела бабушка куда-то сквозь меня и дальше.– Большой-то ты какой стал, большо-ой!.. Вот бы мать-то покойница посмотрела да полюбовалась... – На этом месте бабушка, как всегда, дрогнула голосом и с вопросительной робостью глянула на меня – не сержусь ли? <...> Я хотел запротестовать, оспорить бабушку и шевельнулся уж было, но она как-то мудро и необидно погладила меня по голове – и не стало надобности говорить пустые, утешительные слова» [1, т. 5, с. 282 – 283]. С точностью и уверенностью передано то, что сам герой-рассказчик слышит и видит («дрогнула голосом», «заплакала», «глянула»). Остальное в чувствах, переживаниях, видениях бабушки передается достоверно, но с явной долей понятной отстраненной приблизительности, поскольку речь идет о восприятии «постороннего» (по отношению к герою-повествователю) персонажа: «глядела ... куда-то», «уловила и поняла», «как-то мудро и необидно погладила». Приоритет автобиографического героя-рассказчика над одним из самых значимых персонажей повести, над бабушкой, оказывается здесь явным: его восприятие, его зрение, слух, его чувство и слово оказываются здесь доминантными, через них повествуется о горьких предчувствиях Катерины Петровны.

Что касается возрастных предпочтений В. Астафьева, то в данном случае характерна эволюция функции и «судьба» некоторых персонажей на рубеже 1960 – 1950-х годов. Первая редакция «Стародуба» (1959), опубликованная в альманахе «Прикамье», имела рамочную композицию и представляла собой историю, рассказанную «бывшим бакенщиком», «пенсионером», «стариком» Изотом Трофимовичем, как становится ясно из контекста, – внуком сапожника Трохи, приятеля Култыша [1, т. 13, С. 336 – 337]. Во второй редакции, увидевшей свет в журнале «Урал», в 1960 году, в последующих редакциях фигура многоопытного пожилого бакенщика-повествователя отсутствует, она оказывается излишней. Култыш как бы «всплывает» сам из недр суровой приенисейской тайги, и сам, без помощи персонифицированного героя-повествователя, растворяется в ней. Но сужение (до аннигиляции!) функции многоопытного рассказчика одновременно оказывается усилением роли и выразительности главного героя повести. Это является одним из доказательств сформировавшихся на рубеже 1950 – 1960-х годов «возрастных» предпочтений писателя в выборе главных героев.

Итак, В. Астафьев ставит в центр композиции своих произведений юных сибиряков, «истории» которых часто соотносимы с биографией писателя. Несмотря на значительную роль персонажей-женщин, доминантное место в астафьевской персонажной сфере занимают персонажи-мужчины.

Список литературы:

1. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет». 1997 - 1998.

Т. 2: Перевал. Стародуб. Звездопад. Кража. 1997. 640 с.

Т. 3: Пастух и пастушка: современная пастораль; Рассказы. 1997. 459 с.

Т. 4. Последний поклон: Повесть в рассказах. Кн. 1, 2. 1997. 464 с.

Т. 5, кн. 3: Последний поклон: Повесть в рассказах. 1997. 380 с.

Т. 13: Веселый солдат: Повесть; Варианты; Отрывки; Пьесы; Киносценарии;
Из тихого света: Попытка исповеди. 1998. 733 с.

2. Астафьев, В.П. Автобиография / В.П. Астафьев // Урал. – 2004. – №5.
– С. 12 – 17.

3. Астафьев, В.П. А жизнь идет / В.П. Астафьев // Лит. газета. – 1985. – № 50.
С. 3-14.

4. Астафьев, В.П. В муках рождённый / В.П. Астафьев // Урал. 1959. - № 6.
С. 120- 123.

5. Астафьев, В.П. Ясным ли днём. Повести и рассказы / В.П. Астафьев //
Вологда: Северо-западное кн. изд-во, 1973. - 256 с.

6. Аристотель. Об искусстве поэзии / [пер. с древнегреч. В. Г. Аппельрота];
[ред. пер. и с коммент. Ф. А. Петровского. Москва: Гослитиздат, 1957. - 183 с.

7. Балдина, М.Е. Стилевой бунт «молодежной прозы» 1960-х гг. и традиции
русской советской литературы / М.Е. Балдина // Вестник ВГУ. Серия: Филология.
Журналистика, 2008. - №1. - С. 13–17.

8. Барышников, Е.П. Литературный герой // Краткая литературная
энциклопедия: в 9 т. Т. 4. / Е.П. Барышников. - М.: Советская энциклопедия, 1967.
С. 315–318.

9. Бахтин, М.М. Эпос и роман / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и
эстетики. - М., 1975. - С. 476-477.

10. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / Примечания С.С.
Аверинцева, С. Г. Бочарова. - М.: Искусство, 1986. -444 с.

11. Гинзбург, Л.Я. О психологической прозе: Сб. работ. - М.: Интрада, 1999. -
413 с.

12. Курбатов, В.Я. Повториться в печали и радости / Астафьев В. Последний
поклон: Повесть в рассказах. М.: Эксмо. 2003. С. 5 - 10.

13. Ланщиков, А. Возраст судьбы. М.: Современник, 1985. 318 с.

14. Лессинг, Г.Э. Гамбургская драматургия. М.; Л., 1936. С. 38–39

15. Мартянова, С.А. Образ человека в литературе: от типа к индивидуальности и личности. - Владимир, 1997. - 120 с.
16. Макаров, А.Н. Идущим вослед. - М.: Сов. Писатель, 1969. 928 с.
17. Чернец, Л.В. Литературные персонажи. Русский язык и литература для школьников, 2013. - № 1. - С. 3–14.
18. Чернец, Л.В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник МПГУ, серия: филология. Теория языка, языковое образование. - 2016. - № 4. - С.8–16.

UDC 82

**«BORN IN PAIN»: ABOUT V. ASTAFIEV'S PREFERENCES
IN THE SPHERE OF CHARACTERS**

Goncharov Petr Andreevich

Doctor of Philology, Professor

goncharovpa2015@yandex.ru

Michurinsk State Agrarian University

Michurinsk, Russia

Shcherbakova Veronika Arkadyevna

teacher

Zavoronezhskaya school

Michurinsk, Russia

Annotation. The article deals with the preferences in the character sphere of V. Astafiev. The concepts of «character», «hero», «type» are clarified, an attempt is made to substantiate the differences between these terms. Based on the material of a number of V. Astafiev's works of the 1950s - 1990s, it is proved that the writer places young Siberians at

the center of the composition of his works, whose “stories” are often correlated with the writer's biography. Despite the significant role of female characters, male characters occupy a dominant place in Astafiev's character sphere.

Key words: Astafiev, prose, character sphere, hero, type, typology.